

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ И РАЗОБЩЕННОСТЬ ЕВРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Жихаревич Таисия Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Школа социальных наук, департамент социологии, 4 курс бакалавриата, Санкт-Петербург, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 190121

ORCID: 0009-0009-0378-7965

E-mail: limmudim22@gmail.com

Аннотация: Данное исследование фокусируется на теории С. Корнелла о «наполнении» этнической идентичности и «измерениях», которые ее составляют. Статья фокусируется на институциональном «измерении» и на основе этнографических данных, собранных в процессе реализации студенческого исследовательского проекта «Поля сакрального и религиозного в городском пространстве» (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2025), предполагает, что не только общность, но и разобщенность институтов может служить «наполнением» коллективной этнической идентичности молодых евреев. Для этого автор вводит неоинституциональное по своей природе понятие «института еврейства», в рамках которого показывает возможную институциональную разобщенность еврейской молодежи Санкт-Петербурга. Используются данные наблюдений, собранных в процессе посещения мероприятий четырех еврейских общинных центров в Петербурге, и интервью, проведенных с молодыми евреями в Санкт-Петербурге. Автор статьи предлагает расширение теории Корнелла.

Ключевые слова: российское еврейство, еврейская идентичность, коллективная идентичность, этническая идентичность, этнография, Санкт-Петербург.

DOI: 10.62620/3034-4999.2026.3.1.009

Для цитирования: Жихаревич Т. Институциональная общность и разобщенность еврейской молодежи Санкт-Петербурга // Newish. Молодежный журнал по истории и культуре евреев. 2026. № 3. С. 151–167.

Статья поступила: 01.09.2025. *Принята к публикации:* 23.12.2025.

Благодарности

Автор статьи выражает свою признательность Елизавете Балацук (НИУ ВШЭ СПб), как организатору и руководителю проекта «Поля сакрального и религиозного в городском пространстве», Дане Левковской, Алине Петровой и Артему Шобыреву за помощь в сборе данных.

INSTITUTIONAL COMMUNITY AND DISUNITY OF THE JEWISH YOUTH OF ST. PETERSBURG

Zhikharevich Taisiia

HSE University — St. Petersburg, School of Social Sciences, Sociology Department, 4rd grade BA in Sociology, Saint-Petersburg, Russia
HSE University — St. Petersburg, st. Soyuza Pechatnikov, 16, Saint-Petersburg, Russian Federation 190121
ORCID: 0009-0009-0378-7965
E-mail: limmudim22@gmail.com

Abstract: This study focuses on S. Cornell's theory of the «content» of ethnic identity and the «dimensions» that constitute it. The article specifically examines the institutional «dimension» and, based on ethnographic data collected during the realization of the student research project «Fields of the Sacred and Religious in Urban Space» (Higher School of Economics — St. Petersburg, 2025), suggests that not only the unity, but also the disunity of institutions can serve as «content» for the collective ethnic identity of young Jews. To this end, the author introduces the concept of the «institution of Jewishness», which is neo-institutional in its nature, and within this framework demonstrates the potential institutional disunity among Jewish youth in St. Petersburg. The study utilizes observational data gathered during visits to events at four Jewish community centers in St. Petersburg and interviews conducted with young Jews in the city. The author proposes an expansion of Cornell's theory.

Key words: Russian Jewry, jewish identity, collective identity, ethnic identity, ethnography, Saint-Petersburg.

DOI: 10.62620/3034-4999.2026.3.1.009

To cite: Zhikharevich, T. Institutional community and disunity of Jewish youth in St. Petersburg. *Newish. Young Scholars Journal of Jewish History and Culture*. 2026. 3. P. 151–167.

Received: 01.09.2025. *Accepted:* 23.12.2025.

Исследования еврейской молодежи

Исследования еврейской молодежи — плодотворная и популярная тема, которая не раз освещалась как в российской, так и в зарубежной литературе. Обзор литературы в этой работе не претендует на полный охват всего написанного по теме, но отдает должное работам, которые направили и скорректировали исследовательский фокус.

С начала 2000-х гг. исследователи еврейства и еврейской молодежи в России говорят о переходе к светским формам идентификации (идентификации исключительно через родство, а не через принадлежность к иудаизму и соблюдение религиозных заповедей) и значимости семьи в формировании еврейской идентичности [Гительман, Червяков, Шапиро 2001]. Тема семьи и ее влияния на формирование еврейской идентичности и передачи культурной информации находит продолжение и в работах следующего десятилетия [Носенко-Штейн 2010]. Работы 2010-х также добавляют к этим тезисам «охлаждение» (спад интереса) к еврейской идентичности в целом [Nosenko-Stein, 2014], а также фокусируются на структуре еврейских организаций в городской среде [Носенко-Штейн, 2010; Носенко-Штейн 2014], их влиянии на жизнь еврейского населения [Ханин, Писаревская, Эпштейн 2013; Зеленина 2015].

Работы Гительмана, Червякова и Шапиро о национальном самосознании включают еврейскую молодежь в свой фокус [Гительман, Червяков, Шапиро 2001]. Авторы отмечают переход российских евреев к более светским формам самоидентификации и снижение значимости иудаизма, а также существенную роль семьи и близкого окружения в формировании еврейской идентичности. Самоидентификация происходит в основном по принципу «еврейской крови» и определяется родством, а не соблюдением традиций, религиозных заповедей и обрядов.

В работах Носенко-Штейн [Носенко-Штейн, 2010; Nosenko-Stein, 2014] сделаны следующие выводы: интерес к еврейской идентичности у молодежи имеет тенденцию к снижению (или «охлаждению»), хотя процесс ее формирования поддерживается общинными центрами¹. В работе «"Свое" и "Чужое" в современном

¹ Под общинными центрами автор понимает многоцелевые организации, которые служат местом организации и проведения еврейских культурных, образовательных и развлекательных мероприятий. Общинные центры также

российском городе: еврейская сакральная география» Носенко-Штейн анализирует географию «сакральных» и «профанных» мест, помещая этот анализ в более широкую рамку кризиса еврейской идентичности [Носенко-Штейн 2014]. Дихотомия «сакрального» и «профанного» важна для работы, так как является одной из манифестаций институциональной разобщенности, а также кризиса еврейской идентичности, который также оказывает влияние на контекст исследования. В работе 2010 г. автор также подчеркивает разрыв, который происходит в процессе передачи культурной памяти от старшего поколения к младшему и то, как молодежные организации² и общинные центры «закрывают» вышеупомянутый разрыв, становясь новыми каналами для передачи информации о еврейских традициях и иудаизме [Носенко-Штейн 2010].

Стоит также отметить монографию «Еврейская молодежь в постсоветских странах» за авторством Ханина, Писаревской и Эпштейна [2013], которая представляет собой исследование целого комплекса важных аспектов жизни еврейской молодежи: религиозного, этнического и национального самосознания, деятельности еврейских организаций, структуры еврейского образования в целом и знаний, которые оно дает, отношений с государством Израиль. Важными для моей статьи являются следующие выводы: современные еврейские организации в основном работают по «проектной» структуре, а для городского поля еврейских организаций характерна «олигархия»: произошедшая в начале 2000-х «приватизация» ранее разрозненных еврейских организаций зарубежными организациями и местными евреями, возглавлявшими на тот момент структуры, которые занимались выстраиванием городских и региональных общин [Ханин, Писаревская, Эпштейн 2013].

Работы Зелениной, несмотря на отсутствие фокуса на молодежи, предлагают контекстуально необходимые тезисы относительно еврейских организаций в городе и их взаимодействия с индивидами. В частности, в статье «Портрет на стене и шпроты на хлебе: Московские евреи между двумя “Сектами”» [Зеленина 2015]

иногда занимаются социальной помощью отдельным евреям, еврейским семьям или общинам.

² Молодежные организации — такие же, как общинные центры, центры культурных, образовательных, развлекательных, иногда религиозных мероприятий, но фокусирующиеся на молодежи и молодежных мероприятиях.

исследуются стратегии построения сообщества двух «экстремальных» точек религиозного спектра московского еврейства: ультра-ортодоксальных (Хабад Любавич) и реформистских общин, а также то, как эти стратегии воспринимались непосредственно московскими евреями. В заключении автор выделяет тенденцию к плюрализации еврейской религиозной жизни: рассредоточение евреев по множеству небольших общин и синагог.

Классификация групповых связей

В качестве теоретической рамки я использовала теорию американского социолога Стивена Корнелла [Cornell, 1996] о классификации (или типологии) групповых связей. Корнелл предлагает три «измерения» (*dimensions*), относительно которых строится «наполнение» (*content*) коллективной этнической идентичности.

Под **коллективной идентичностью** Корнелл понимает форму идентификации, которая акцентирует принадлежность к этнической группе, а также институциональное, культурное и личное наполнение этой идентичности, смыслы, которые члены этнической группы ей придают.

Под «наполнением» Корнелл понимает то, что люди внутри конкретной этнической группы имеют общего между собой, т.е. фокус его теории направлен не на отделение от внешнего мира, а именно на формирование внутренних связей между членами группы.

«Измерения» же предполагают нечто схожее с осями координат, т.е. каждая группа (по Корнеллу) сильнее соотносится с одним из «измерений» в ситуации идеальных типов (очевидно, что реальные случаи могут находиться как бы «между» двух измерений). Измерения идут по порядку от измерения с самым слабым влиянием к измерению с наиболее сильным:

(1) *общность интересов* (члены группы воспринимают некий набор интересов как общие интересы для всех ее участников),

(2) *институциональная общность* (члены группы объединены участием в некоторых эксклюзивных для сообщества институтах, которые призваны решать определенные проблемы членов группы),

(3) *культурная общность* (члены группы объединены общей системой восприятия, понимания и интерпретации, которые составляют некое общее мировоззрение).

Некоторые группы могут плохо соотноситься со всеми тремя измерениями; такие группы Корнелл определяет через привязанность к общим символам идентичности, связанным с историческими событиями или современными обстоятельствами, и выделяет в отдельную категорию: (4) *символические сообщества*.

Соответственно, группы с наиболее сильной принадлежностью к измерению общности интересов и менее сильной принадлежностью к остальным измерениям называется *сообществами общих интересов*, группы с наиболее сильной принадлежностью к измерению институциональной общности — *институциональными сообществами*, группы с наиболее сильной принадлежностью к измерению культурной общности — *сообществами общей культуры*.

В этой статье более подробно затронуто второе измерение — институциональная общность. Теоретическое предложение состоит в том, чтобы несколько расширить понятие института, используемое Корнеллом (который иллюстрирует свое понятие, например, институтом образования) и переопределить его в неoinституциональном ключе, как конвенцию мышления, набор определенных норм, которые включают в себя, например, классификации, рутинные паттерны поведения и т. д. [Powell, DiMaggio 1991]. Неoinституциональная теория предлагает понимание этничности как набора неформальных правил [Барбашин 2008]. Это позволяет рассмотреть само понятие еврейства, принадлежности к еврейскому народу как институт, изучить процесс классификации, который молодежные организации и общинные центры³, а вместе с ними и сами молодые евреи, так или иначе, произво-

³ Под общинными центрами автор понимает многоцелевые организации, которые служат местом организации и проведения еврейских культурных, образовательных и развлекательных мероприятий. Общинные центры также иногда занимаются социальной помощью отдельным евреям, еврейским семьям или общинам. Молодёжные организации — такие же центры культурных, образовательных, развлекательных, иногда религиозных мероприятий, но фокусирующиеся на молодёжи и молодёжных мероприятиях. По этим принципам далее в статье общинными центрами становятся Молебный зал на Васильевском острове и синагога «Шаарей Шалом», а молодёжными организациями — STARS и «Гилель». Информация о деятельности организаций и центров извлечена как из официального позиционирования организаций, так и из полных интервью их членов.

дят: например, религиозные организации ортодоксального толка опираются в своем определении еврейства на Галаху⁴; при этом сами участники организаций, как будет видно далее в статье, не всегда полностью перенимают определение еврейства (или «правила института еврейства») организации, которую считают основой своей еврейской жизни. Таким образом, «институт еврейства» предполагает не только самоидентификацию, но и классификацию других. В фокусе исследования оказываются именно интерпретации самих молодых евреев, правила классификации (еврей — не еврей), которые они считают верными, и значения, которые они придают понятию еврейства, а также институциональная разобщенность, которая предполагает различие неформальных правил, которые и составляют институт еврейства в неоинституциональном ключе. В таком случае институциональной разобщенностью становятся различия между такими неформальными правилами и представлениями, которые составляют еврейство.

Кейс еврейской этничности помогает расширить изначальную концепцию Корнелла: из-за этнорелигиозной природы иудаизма определение этничности часто смешивается с религиозными правилами и нормами, создавая несколько наборов неформальных правил, ассоциирующихся с еврейством. Важно упомянуть, что правила бывают не только неформальными (но и опирающимися на религиозные нормы), но в рамках статьи рассматривается мнение молодых людей (многие из которых не религиозны) на этот счет и их понимание этничности. Основным фокусом статьи являются не организации, которые по-разному определяют еврейство, а молодые евреи и смыслы, которыми они наполняют эти определения, принимая при этом членов других, не-своих организаций как таких же евреев.

Таким образом, главный исследовательский вопрос этой работы звучит так: *какова роль института еврейства в формировании и поддержании коллективной идентичности еврейской молодежи Петербурга?*

⁴ Галаха — правовая система иудаизма, включающая в себя как 613 заповедей Торы, так и толкования раввинов.

Методология

Материал для этой статьи был собран в рамках студенческого исследовательского проекта «Поля сакрального и религиозного в городском пространстве», который был реализован с ноября 2024 по апрель 2025 г. в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

В качестве основного метода сбора данных использовался этнографический: включенное наблюдение, глубинные и более поверхностные полевые интервью, анализ визуальных элементов интерьера и оформления посещенных мероприятий [Atkinson и др. 2001]. Этнографический подход позволяет реконструировать идентичности, доступные информантам, но недоступные исследователю⁵ [Штырков 2022].

В ходе сбора данных мы посетили шесть мероприятий в четырех еврейских организациях. Из них две идентифицировали себя как ортодоксальные, две — как реформистские⁶. Также было проведено девять глубинных интервью: из них пять информантов были мужчинами, четыре — женщинами; пять были рекрутированы на мероприятия организации, идентифицирующей себя как реформистскую или светскую, четыре — на мероприятия организации, идентифицирующей себя как ортодоксальную или традиционную; возраст информантов варьировался от 18 до 29 лет. Темы гайда включали в себя еврейскую идентичность, принадлежность

⁵ Здесь используется подход «материальной религии» — положение о том, что религиозный опыт и связанные с ним религиозные методы в полной мере недоступны исследователю, который не может прожить тот же опыт, что и информанты; поэтому, для более точной реконструкции исследователь принимает участие в практиках совместно с информантами (включенное наблюдение) и реконструирует его опыт и идентичности основываясь на их «материальных» — наблюдаемых — проявлениях.

⁶ Различение между ортодоксальными и реформистскими организациями было сформировано на основе того, как члены организаций идентифицировали направление иудаизма, в котором эти организации работают. Ортодоксальными условно называются STARS и Молельный зал на Васильевском острове, а реформистскими — «Гилель» и «Шаарей Шалом». Ортодоксальные организации в выборке придерживаются хасидизма. «Реформистами» называли не только организации, фактически связанные с реформистским течением иудаизма, но и более светские организации, дистанцирующиеся от религии и фокусирующиеся на культурных и образовательных мероприятиях, пусть и включающих некоторые традиционные элементы (например, встречу шаббата).

к общине, ее цели и особенности, отношение к иудаизму и религии в целом, соблюдение или несоблюдение заповедей, а также темы частичного соблюдения и отношения к нему.

Институциональная общность и разобщенность: результаты

Для анализа в предложенной теоретической рамке наиболее релевантными являются «контрастные» случаи нарративов информантов о их принадлежности к еврейскому народу и восприятию собственной идентичности.

Соблюдение⁷

Соблюдение для многих молодых евреев в нашей выборке являлось важной темой. Иудаизм, как известно, насчитывает 613 заповедей, соблюдение которых является важным для религиозного и традиционного понимания еврейства. Несмотря на это, современные исследования указывают на снижение роли соблюдения заповедей иудаизма среди современных евреев и смещение фокуса на этничность [Носенко-Штейн 2010; Nosenko-Stein 2014]. Мнения по поводу соблюдения у информантов расходятся.

Так, например, в приведенной ниже цитате информантка (еврейка по матери, посещающая общину ортодоксального толка) упоминает, что соблюдение не является обязательным условием для осознания себя как еврея, а, скорее, «расширяет» еврейство и делает его «красивее»:

«Интервьюер: Как тебе вообще кажется, сближает ли тебя соблюдение с еврейством?»

Информант: Да, конечно, сближает, да. Опять же, еврейство никуда не пропадает, даже если перестать соблюдать. Это что-то, что будет всегда присутствовать в том или ином виде. Но если соблюдать, то этого станет больше, и это становится красивее» (Ж, 19).

При этом другой информант (еврей по отцу, посещающий общину реформистского толка) говорит о совершенно другой роли соблюдения заповедей в своей жизни:

⁷ Под соблюдением автор понимает соблюдение информантом религиозных заповедей и норм иудаизма, независимо от конкретного течения.

«Вот, и поэтому, да, мне кажется, что чем больше я соблюдаю, чем больше правил я знаю и придерживаюсь их, тем с более чистой совестью я любому еврею, вне зависимости от его течения, могу сказать, что я такой же еврей, как и ты» (М, 29).

Родство

Для многих постсоветских евреев принцип родства заменил принципы соблюдения и религиозности в вопросах еврейской этнической самоидентификации [Гительман, Червяков, Шапиро 2001; Nosenko-Stein 2014]. Родство остается важным принципом идентификации и классификации, но информанты интерпретируют по-разному. Одна информантка говорила о том, что еврейская кровь передается по материнской линии (ссылаясь на Галаху): *«И мне они говорили, что у меня очень мало еврейства в крови, хотя на самом деле евреем считается тот, у кого мама еврейка. А поскольку мне передалось по материнской линии, то, значит, я, собственно, тоже еврейка» (Ж, 19).*

Несмотря на это, при посещении ортодоксального хасидского шаббата в молельном зале, одна из информанток, узнав, что я еврейка по отцу, посоветовала мне поговорить с женой раввина, предполагая, что таким образом я могу «исправить» отсутствие возможности идентифицировать себя как еврейку по родству, т.е. предлагая решение через синагогу: *«Пока я сидела за ширмой со мной разговаривала женщина в возрасте. Она сказала, что обычно на службах больше молодежи и больше мужчин, чем сегодня. Она спросила меня, еврейка ли я, я ответила, что да. Дальше последовал уже привычный мне вопрос: “по матери, по отцу?”, я ответила, что по отцу, и она говорит: “Надо тебе к нам ходить, вот приходи к нам, приходи к нам в женский клуб, у нас будет в понедельник, только с раввином сначала поговори, возьми у него номер телефона его жены, рабанит (обращение к жене раввина), и позвони, поговори с ней, она тебе скажет, что делать”» (фрагмент полевого дневника, Жихаревич Т.А., Молельный зал).*

Родство, неважно насколько дальнее, действительно является важным фактором определения этничности для еврейской молодежи. Несмотря на это, некоторые информанты говорили в том числе о способах «прийти в еврейство»: например, о гиюре⁸. Среди наших информантов были те, кто прошел гиюр — двое —

⁸ Гиюр — процедура обращения нееврея в иудаизм.

и оба они были посетителями реформистской синагоги, т.е. и гиюр проходили по реформистским правилам. Информантов, прошедших гиюр в ортодоксальной традиции, у нас не было. Галахические евреи⁹ встречались нам в основном в ортодоксальных организациях, но они посещали и реформистские мероприятия. Так, например, во время параллельного наблюдения я встретила одного из наших информантов на ортодоксальном шаббате, а моя коллега увидела его же через час на реформистском. Негалахические евреи постоянно посещать ортодоксальные общины обычно не могут, так как они не считаются евреями в ортодоксальном течении иудаизма.

Семья

Носенко-Штейн в своей статье 2010 г. подчеркивает, что семья теряет свою значимость как канал передачи культурной информации о еврейских традициях, праздниках и истории [Носенко-Штейн 2010]. Информанты были различны в своем семейном бэкграунде, однако, действительно, тенденция к отсутствию семейных традиций и передачи информации, связанной с еврейством, превалировала. Некоторые информанты говорили о том, что их семья «русифицирована»: «<...> у меня семья, ну, как сказать, русифицированная, я не знаю, обрусевшая» (М, 19).

«Нет, вот, к сожалению, у меня семья вообще не соблюдающая, то есть мы не отмечали праздники, мне ничего не рассказывали. Вот, а потом, когда я уже сама стала этим интересоваться, я стала спрашивать бабушку, и она мне рассказывала что-то больше... из такой личной жизни, но это все равно... это было больше про то, как евреи жили вообще в Советском Союзе, во время Второй мировой. Вот такие личные семейные истории. А вот про праздники мне ничего не рассказывали, потому что они их не празднуют и, соответственно, не рассказывают» (Ж, 19).

Другие, наоборот, упоминали семью и отдельных членов семьи как основных «передатчиков» культурной информации и традиций: «Слушай, мне кажется, что о национальности мой папа поговорил со мной до того, как я пошел в первый класс, это до лет шести, если

⁹ Галахический еврей — еврей по правилам Галахи (основные принципы — еврей должен быть ребенком матери-еврейки и не принимать другие религии, кроме иудаизма).

честно. <...> И он такой, вот, типа, ты скоро пойдешь в школу, типа, а ты знаешь, в какой области мы живем? <...> И он такой, мы евреи. Я такой, ух ты, евреи, э типа, это кто? Он такой, ну есть русские, мы живем в России, здесь много русских, есть евреи, это мы. Мы живем в Еврейской автономной области. <...> И типа, он... сказал такую фразу, что вот типа у нас есть Израиль, куда мы должны вернуться. И еще он сказал фразу, что если мы не воссоединимся к крови, которая течет в наших венах, то мы не воссоединимся к крови, вытекающей из наших вен. <...> я очень хорошо помню, суть в том, что, как-то, вот, было вот это вот давление, как бы, <...>, что обязательно соблюдать нужно, что у нас есть своя история, что мы не должны ассимилироваться» (М, 20).

Община

В условиях современного кризиса еврейской идентичности [Носенко-Штейн 2014; Nosenko-Stein 2014] общинные центры становятся важными для передачи культурной информации, причем часто информация передается от «молодых» к «пожилым» [Носенко-Штейн 2010; Nosenko-Stein 2014]. Акцент на общинах присутствует во всех интервью так или иначе, что обусловлено процессом отбора информантов — мы находили их как раз через общинные центры. Однако когда речь заходит о важности общины для еврейской идентичности, ответы информантов немного расходятся. Среди информантов присутствовали как те, кто вырос в изначально еврейской соблюдающей (пусть и «в светском формате») семье, так и те, кто узнал о своем еврейском происхождении сравнительно недавно. Соответственно, первые воспринимают посещение общины, скорее, как «развлечение» и членство в сообществе (или «тусовке»), а вторые — как основной фасилитатор своей еврейской идентичности.

Интервьюер: Важно ли тебе посещать общину, там, СТАРС, чтобы считать себя еврейкой?

Информант: Ну, это как будто не принципиальное обязательно, но при этом это очень важно, потому что вообще, в принципе, община в иудаизме очень важна. Поэтому это очень важно. Без этого было бы очень плохо, но, как бы, с другой стороны, я бы, наверное, теоретически смогла бы без этого, но было бы намного-намного хуже. Да, поэтому лучше, да, не без этого» (Ж, 19).

Интервьюер: А как тебе кажется, важно посещать общину, чтобы считать себя евреем?

Информант: Это дело каждого. У каждого абсолютно разные вопросы самоидентификации и как-то... Уровни ее принятия и осознания себя, поэтому я не готов говорить за глобальный вопрос» (М, 23).

«Мне просто это прикольно. Если бы была классная литовская община, где мне прикольно, я бы ходила туда. Если бы у реформистов было прикольно, я бы тоже там тусила» (Ж, 23).

Культурная информация

Многие исследования, фокусирующиеся на еврейской молодежи, оправданно акцентируют внимание на получении и передаче культурной информации [Носенко-Штейн 2010; Ханин, Писаревская, Эпштейн 2013]. Этот процесс является ключевым в формировании коллективной идентичности и самоидентификации. Некоторые информанты придают большое значение знаниям о своей культуре, традициях и религии, выделяя их как основной аспект своей этнической идентичности: «Ну вот, да, короче, есть ребята, которые такие, ну, мы евреи, но мы ничего не знаем, но мы евреи больше, чем ты, еврейка. А для меня, наверное, еврейство — это вопрос того, что ты знаешь, потому что это, ну, как бы народ книги, народ учений в целом, типа, еврей — это человек, который постоянно учится, и это тоже вопрос, типа, майндсета. И меня очень сильно раздражают ребята, которые такие, мы евреи, но мы не будем учиться, потому что нахер оно нам надо, у нас так все есть. Так что, наверное, частично и с прошествием лет это воспринимается как, скорее, положительная сторона, потому что, собственно, я знаю больше, чем эти дурачки, но, наверное, в подростковом возрасте, типа лет 12–14, когда идет процесс адаптации к обществу, чувствовался момент, типа, у меня нет документов, я ничего не могу, простите» (Ж, 18).

Некоторые, наоборот, получают такие знания как раз благодаря самоидентификации, но не выделяют их в отдельный аспект своей идентичности: «И вот я нашла программы, которые проводит синагога. Узнала, что, оказывается, есть огромное количество программ вообще в Израиле. И, да, в общем, я начала себя с этим связывать, углубляться, изучать что-то и благодаря этому осознать больше вообще себя и свои какие-то мотивы поведенческие и так далее» (Ж, 19).

«Мне кажется, что ребята, которые [недавно] узнали, что они евреи, стараются ходить в общину и соблюдать, потому что они думают, что вот, я соблюдаю, потому что я еврей. А мне это не нужно, я и есть еврейка» (Ж, 23).

«Из-за того что я выросла в неформальной еврейской среде, где информацию буквально пихают тебе в голову, я выросла человеком, который не может сам интересоваться еврейским контентом, только активно воспринимать то, что мне дают» (Ж, 23).

Находки в области членства в общине и передачи культурной информации соотносятся с другой литературой по теме [Носенко-Штейн 2010; Ханин, Писаревская, Эпштейн 2013]: среди наших информантов большинство получало культурную информацию не в семье от старших родственников, а непосредственно через еврейские организации, которые они посещают. Несмотря на это, преобладающего количества кейсов, где информация передавалась бы «от старших к младшим», обнаружено не было.

Заключение

Основной вывод, который мне хотелось бы предложить — не только общность, но и разобщенность института еврейства в неоинституциональном понимании может являться не только разобщающим, но и в некотором роде объединяющим фактором, скорее особенностью этнической группы, чем препятствием к формированию и поддержанию коллективной идентичности. В терминах Корнелла такие различия могут считаться значимым «наполнением» этнической идентичности: в разных ситуациях молодые евреи будут обращаться к разным институтам еврейства (например, к ортодоксальным правилам и конвенциям — по Галахе — или к реформистским, более размытым и основанным на личном чувстве принадлежности к этнической группе).

Придирчивый читатель может заметить, — и будет прав — что одно только наличие институциональной разобщенности не говорит о том, что она является частью коллективной идентичности еврейской молодежи. Однако, несмотря на разобщенность, молодые евреи, придерживающиеся одних критериев еврейства, как правило, признают евреев, которые придерживаются других критериев. Так, например, члены более ортодоксальных организаций не говорят о более реформистских как о «неправильных», скорее, они оценивают их в терминах «атмосферы»: *«Я разговорилась с несколькими информантами, которые сидели вместе за столиком. В процессе разговора между информантами разгорелась дискуссия на тему реформистского и ортодоксального иудаизма. <...> одна из девушек сказала, что*

уважает ценности реформизма, но ортодоксальные мероприятия кажутся ей более “атмосферными”, так, например, на шаббате в ее общине запрещено использовать телефоны, а члены общины собираются вместе в столовой при синагоге за большим столом» (фрагмент полевого дневника, Жихаревич Т.А., занятие в синагоге).

«<...> одна девушка поделилась опытом столкновения с антисемитизмом, сказав, что только в общинах чувствует себя максимально безопасно, а реформистские общины и мероприятия посещает с мужем, так как он не еврей» (фрагмент полевого дневника, Жихаревич Т.А., занятие в синагоге).

Таким образом, различные «правила» классификации «еврей — не еврей» среди еврейской молодежи Петербурга не только не мешают поддержанию коллективной идентичности, но и являются одним из образующих ее факторов. Молодые евреи знакомы с формальными и неформальными правилами, которые используются в организациях, к которым они не принадлежат, уважают их, но при этом причисляют друг друга к еврейскому народу независимо от того, делает это организация, к которой они принадлежат или нет.

Литература

Барбашин 2008 — Барбашин М. Неоинституциональная концепция этничности в контексте основных направлений современной этнологии (The New Institutional Theory of Ethnicity Among Main Ethnological Directions) // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 12. С. 110–117.

Гительман, Червяков, Шапиро 2001 — Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Национальное самосознание российских евреев (статья третья) // Диаспоры. 2001. Т. 2–3.

Зеленина 2015 — Зеленина Г. Портрет на стене и шпроты на хлебе: Московские евреи между двумя «Сектами» // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2015. № 33 (3). С. 121–169.

Носенко-Штейн 2010 — Носенко-Штейн Е. «Невстреча» поколений? Пути формирования еврейской самоидентификации в современной России // Культура славян и культура евреев: диалог сходства различия. М., 2010. С. 207–221.

Носенко-Штейн 2014 — Носенко-Штейн Е. «Свое» и «Чужое» в современном российском городе: Еврейская сакральная география // Антропологический форум. № 23. С. 123–139.

Ханин (Зеэв), Писаревская, Эпштейн 2013 — Ханин (Зеэв) В., Писаревская Д., Эпштейн А. Еврейская молодежь в постсоветских странах. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

Штырков 2022 — Штырков С. «Материальная религия» как метод социальной антропологии и проблема доступа исследователя к «реальному» религиозному опыту // Антропологический форум. 2022. № 55.

Atkinson 2001 — Handbook of ethnography / Atkinson P. et al., eds. SAGE Publications, 2001.

Cornell 1996 — Cornell, S. The variable ties that bind: Content and circumstance in ethnic processes // Ethn. Racial Stud. 1996. No 19 (2). P. 265–289.

Nosenko-Stein 2014 — Nosenko-Stein E. Still warm but getting colder: Changing ethnic identity of post-Soviet Jewry // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2014. No 35 (1). P. 27–42. <https://doi.org/10.1080/01434632.2013.845196>.

Powell, DiMaggio 1991 — Powell W.W., DiMaggio P. The New institutionalism in organizational analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

References

Atkinson, P. et al., eds., 2001, Handbook of ethnography. SAGE Publications.

Barbashin, M., 2008, Neoinstitutsional'naya kontseptsiya etnichnosti v kontekste osnovnykh napravlenii sovremennoy etnologii [The New Institutional Theory of Ethnicity Among Main Ethnological Directions]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, No 12, 110–117.

Cornell, S., 1996, The variable ties that bind: Content and circumstance in ethnic processes. *Ethnic and Racial Studies*, No 19, 2, 265–289.

Gitelman, Ts., Chervyakov, V., and Shapiro, V., 2001, Natsional'noe samosoznanie rossiiskikh evreev (stat'ia tret'ia) [National self-awareness of Russian Jews (article three)]. *Diaspory*, Vol. 2–3.

Khanin (Ze'ev), V., Pisarevskaya, D., E'pshtejn, A., 2013, Evrejskaya molodezh' v postsovetskikh stranax. [Jewish Youth in Post-Soviet Countries]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN.

Nosenko-Shtein, E., 2010, “Nevstrecha” pokolenii? Puti formirovaniia evreiskoi samoidentifikatsii v sovremennoi Rossii [“Non-meeting” of generations? Paths of formation of Jewish self-identification in modern Russia]. *Kul'tura Slavian i Kul'tura Evreev Dialog Skhodstva Razlichii*, Moscow, 207–221.

Nosenko-Stein E., 2014, Still warm but getting colder: Changing ethnic identity of post-Soviet Jewry. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, No 35 (1), 27–42. URL: <https://doi.org/10.1080/01434632.2013.845196>.

Nosenko-Stein, E., 2014, “Svoe” i “Chuzhoe” v sovremennom rossijskom gorode: Evrejskaya sakral’naya geografiya. [“Ours” and “Others” in the Modern Russian City: Jewish Sacred Geography]. *Antropologicheskij Forum*, No 23, 123–139.

Powell, W.W., DiMaggio, P., 1991, *The New institutionalism in organizational analysis*. Chicago: University of Chicago Press.

Shtyrkov, S., 2022, “Material’naya religiya” kak metod social’noi antropologii i problema dostupa issledovatelya k “real’nomu” religioznomu opytu. [“Material religion” as a method of social anthropology and the problem of access to the “real” religious experience]. *Antropologicheskij Forum*, No 55.

Zelenina, G., 2015, Portret na stene i shproty` na xlebe: Moskovskie evrei mezhdru dvumya “Sektami”. [A Portrait on the Wall and Sprats on Bread: Moscow Jews between Two “Sects”]. *Gosudarstvo, Religiya, Cerkov` v Rossii i Za Rubezhom*, No 33 (3), 121–169.